

УДК 94(410) + 94(57) : 94(47)“1918/20”

БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И СИБИРЬ В НАЧАЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

М. И. Вторушин

Вторушин Михаил Иванович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного, муниципального управления и таможенного дела, Омский государственный технический университет, vtorushin-m2013@yandex.ru

В статье рассматривается политика Британской империи в отношении Зауральской колонии России эпохи социально-политических катаклизмов 1917–1918 гг. Изучены причины притязаний на Сибирь правящих кругов Великобритании; выявлены внешние и внутренние противоречия при проведении политики интервенции, механизмы влияния на политические события в Сибирском регионе.

Ключевые слова: кризис, колония, интервенция, Британская империя, Антанта.

The British Empire and Siberia at the Beginning of the Civil War in Russia

M. I. Vtorushin

Michail I. Vtorushin, ORCID 0000-0003-1829-8899, Omsk State Technical University, 11, Avenue peace, Omsk, 644050, Russia, vtorushin-m2013@yandex.ru

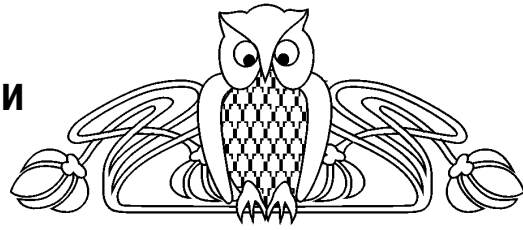
The article considers the policy of the British Empire concerning Russian Transuralian colony in the period of social and political cataclysms of 1917–1918. The reasons of the British ruling classes' claims to Siberia are studied; the interior and exterior contradictions in conducting the intervention policy and the mechanisms of influence on the political events in Siberia are elicited.

Key words: crisis, colony, intervention, British Empire, Entente.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-456-461

Развитие социально-политического кризиса России в период Великой революции 1917 г. привело к дезинтеграции бывшей Российской империи. Под воздействием центробежных сил и общей слабости Советского правительства на первом этапе существования сложилась ситуация, позволявшая ведущим империалистическим державам аннексировать под тем или иным предлогом окраинные территории России. В этом плане представляет интерес дальнейшее исследование проблем интервенции держав Антанты на востоке России и, в первую очередь, политика интервенции правительства Британской империи.

Внутриполитическая стабильность России в послеоктябрьский период революции в определенной мере зависела от внешнеполитических условий, так как ее характер вышел за национальные рамки и поставил под вопрос весь комплекс существующего мироустройства. Президент США

Вудро Вильсон писал: «Яд большевизма только потому получил такое распространение, что является протестом против системы, управляющей миром»¹. Международный характер Октябрьской революции обусловил вмешательство во внутренние дела бывшей Российской империи правительств как ведущих империалистических держав, так и сопредельных стран. В меру сил и возможностей они стремились в своих интересах использовать внутрисоветский политический кризис, опираясь на антисоциалистические и антисоветские общественные группы в самой России, играя на их патриотических чувствах². Революция в России и ее временная внешнеполитическая слабость параллельно давала возможность разрешить за ее счет ряд острых империалистических противоречий, возникших еще в довоенный период, например, между той же Россией и Англией по «азиатскому вопросу»³, которые на время Первой мировой войны отошли на второй план.

Державы центрального военного блока, в первую очередь Германия, используя свое неоспоримое военное превосходство в отношении обесиленной войной России, реализовали свои империалистические планы в полной мере, навязав Советскому правительству «похабный» Брестский мир. В этот период государства Антанты, связанные тяжелым положением своих армий на Западном фронте, могли вмешиваться лишь косвенным образом, используя близкие им по политической ориентации российские антисоветские силы⁴.

Неспособность держав Согласия известное время участвовать активно как в борьбе с советским режимом власти в России, так и в территориальном разделе «романовского наследства», дала Советскому правительству время, используя «мирную передышку» весны 1918 г., сформулировать теоретически и приступить к реализации первого варианта политики государственного капитализма, который спустя три года уже в новых исторических условиях получил название новой экономической политики партии большевиков.

Вмешательство во внутренние дела России велось, в первую очередь, на ее окраинах, так как именно здесь Советская власть была установлена позднее, чем в центре страны, при этом ее введение было по времени продолжительным, непоследовательным и не получило в конечном итоге своего логического завершения. Сибирский регион, где еще не были завершены процессы советизации, в этом плане был примером данной политической ситуации весной 1918 г. в России⁵.

Сибирь в этот период рассматривалась правительствами держав Антанты в качестве трамплина в деле свержения Советской власти в России⁶. В этом стремлении они были едины, но серьезно расходились во взглядах по вопросу о дальнейшей судьбе бывшей земледельческой колонии Российской империи после окончания мировой войны, так как считали, что в России территориальная дезинтеграция приобрела необратимый характер, и поэтому каждая из держав стремилась получить свою долю «романовского наследства»⁷. Итогом такого понимания сути внутреннего кризиса России стала противоречивая и непоследовательная политика в «сибирском вопросе», характерная для каждой из членов антигерманского военного блока⁸.

Противоречивый курс держав Антанты в отношении Советской России вызвал дискуссию в исторической науке о времени начала интервенции и ее конечных целях, так как были непонятны ее общие приоритеты. Английский историк Дж. Киган, оправдывая интервенцию, пишет: «Летом 1918 г. западные союзники окончательно запутались в отношениях с большевиками и их русскими противниками. Ввязываться во внутрироссийский конфликт вовсе не входило в их планы. Как ни бедственны были последствия Октябрьской революции и как ни отвратительна была программа большевистского правительства, у союзников было достаточно реализма в тактике осуществления политики, чтобы удержаться от непоправимого разрыва отношений с режимом, который управлял российской столицей и выжил, несмотря на все странности его административной системы»⁹.

Противоречивость политики западных союзников по «сибирскому» и в целом по «русскому» вопросам, неясный характер ее приоритетов во многом зависели от идеологических пристрастий вождей Антанты. Характерным было поведение политической элиты Англии. Так, военный министр правительства Великобритании У. Черчилль крайне негативно и эмоционально отнесся к Октябрьской революции. Являясь идеологом и вдохновителем антисоветской интервенции, он выступал в Кабинете министров против каких-либо контактов с Советским правительством. Позже Д. Ллойд Джордж в мемуарах с иронией отозвался о мысли своего военного министра, который утверждал, что Россия потерпела поражение, «когда победа была близка»¹⁰, заметив, «Черчилль, описывая катастрофу, говорит: “Пароход утонул близ заветной гавани”. Эта нелепая картина кажется привлекательной только потому, что прекрасный художник вставил ее в рамку блестящей риторики»¹¹. В контексте негативного отношения к Октябрьской революции У. Черчилль направлял в Россию для ведения интервенции наиболее непримиримых врагов большевизма из числа своих подчиненных, примером которого в Сибири был советник Верховного правителя России А. В. Колчака генерал А. Нокс.

Премьер-министр правительства Великобритании Д. Ллойд Джордж по «русскому вопросу» придерживался «золотого правила» министра иностранных дел Британии середины XIX в. лорда Г. Пальмерстона: «У Англии нет постоянных друзей, у Англии нет постоянных врагов, у Англии есть постоянные интересы»¹², проводя линию сбалансированного поведения в отношении Советского режима власти в России, понимая, что революция в этой стране была закономерной, вытекавшей из общих объективных причин, которые сложились на рубеже XIX–XX вв. Позже он признал: «Если бы революции не было или революция произошла позже, Россия могла бы выйти из хаоса только при помощи активного вмешательства союзников, которые предложили и провели полную реконструкцию страны. Ничто другое не могло бы вывести Российскую империю из того хаоса и беспорядка, в котором она находилась, благодаря управлению царя и его советников»¹³. Исходя из этого признания главы правительства Британии, стоит признать, что независимо от того, взяли бы большевики государственную власть в октябре 1917 г. или нет, но в той или иной форме интервенция стран Антанты была предопределена.

Следствием такого понимания истоков революции в России и варианта ее вывода из общенационального кризиса стала политика лавирования в отношениях с Советским правительством и его врагами вовне и внутри страны. Так, Д. Ллойд Джордж предупреждал У. Черчилля, учитывая его болезненную ненависть к Советам, лишавшую его шанса беспристрастно анализировать ее причины: «Я убедительно прошу Вас не ввергать Англию в чисто сумасшедшее предприятие из-за ненависти к большевистским принципам. Дорогая агрессивная война против России будет служить делу укрепления большевизма в России»¹⁴.

Двойственная политика по отношению к России и Сибири была характерна и для политической элиты США. Президент В. Вильсон и его советник по международным делам полковник Э. М. Хауз выступали против открытой военной интервенции, отдавая приоритет методам дипломатического и экономического давления на Советское правительство для сохранения позиций американского капитала в России и в Сибири, полученным до революции и по соглашениям с Временным правительством, которые оценивались на сумму в 10 млрд руб.¹⁵ В этой связи в ноябре 1917 г. Э. М. Хауз изложил установку правительства США на встрече с союзниками о возможности интервенции и ее целях, вызвавшую глубокие противоречия среди ее участников, следующим образом: «Поскольку это касается США, любая попытка интервенции была бы ошибкой, разве только она была бы предпринята по просьбе русского правительства»¹⁶.

В это же время государственный секретарь США Р. Лансинг и его ведомство были адептами интервенции, «большевики являются “опасными

радикальными социалистами-революционерами», угрожающими Америке и мировому порядку»¹⁷. Посол США в России Д. Френсис через голову Советского правительства в ноябре 1917 г. обратился с воззванием «К народам России», что в условиях территориальной дезинтеграции бывшей Российской империи являлось неприкрытым призывом к сепаратизму национальных окраин и казачьих областей, отказаться от перемирия с Германией¹⁸. Это воззвание было с энтузиазмом воспринято в Сибири на Областническом съезде декабря 1917 г., который исключил какую-либо возможность заключения мира с государствами германского блока: «Съезд изыщет истинные и верные пути к скорейшему заключению демократического мира в интересах демократии Российской республики и трудящихся всего мира»¹⁹.

Оценивая планы интервенции держав Антанты, важно различать позицию Англии и Франции, с одной стороны, и интересы США и Японии – с другой. Первых заботил прежде всего вопрос о спасении Западного фронта, а вторых – послевоенное устройство мира, так как поражение Англии и Франции в империалистической войне не означало автоматического поражения США и Японии, отделенных от Германии океанами. Разные цели держав Антанты не могли не вызвать противоречий, так как у каждой из них были свои планы в отношении России и ее окраин, в первую очередь Сибири. В своих мемуарах Д. Ллойд Джордж, объясняя ситуацию, цинично, но очень точно определил суть взаимоотношений между союзниками по блоку Антанта периода мировой войны, экстраполированные затем на их отношения в годы Гражданской войны в Сибири: «Россия, Франция, Англия и Сербия были союзниками, но не товарищами, сражавшимися за общее дело в общей битве»²⁰.

Для Британской империи при разрешении «сибирского вопроса» важно было сохранить влияние английских компаний, полученное в начале XX в., в горнодобывающей и золотой промышленности Сибири, не допустив в эту сферу приложения капитала американских конкурентов. Также требовалось удержать преобладание в маслодельном производстве Западной Сибири и монополизировать хлебный экспорт из Сибири Северным морским путем. Все это было важно правящим кругам Англии в качестве гарантии возвращения долгов всех прежних правительств России, так как она в годы Первой мировой войны была главным кредитором своего русского союзника, предоставив ему, по данным Временного правительства, займы на 6 млрд 750 млн рублей²¹.

На планы правящих кругов Великобритании сохранить в Сибири свое экономическое господство влиял продовольственный кризис на Британских островах, который вынуждал правительство Англии проводить политику жесткой экономии²². Тем более, что закупки продуктов питания в США по высоким ценам увеличивали ее долг²³. Еще до войны главными статьями ввоза на острова Брита-

нии были сырье для промышленности и продукты питания. На их долю приходилось 3/4 импорта. От общего спроса зернопродукты в импорте составляли 75% и мясопродукты 40%. Спрос на сахар полностью зависел от импорта, в больших объемах ввозились и молочные продукты²⁴.

Вывоз из Сибири дешевого хлеба, масла и мясных продуктов должен был параллельно снять проблему как снабжения Англии продуктами питания, так и компенсации русского долга этой стране в натуральной форме. О наличии таких планов говорит массовый вывоз аграрного и лесного сырья, других местных товаров из северных и других районов России в период их оккупации британскими войсками и монополизация морского фрахта между Россией и Европой в грузоперевозках Северным морским путем²⁵.

Однако Сибирь в «русской политике» правительства США уже занимала особое место, которое в интересах американского капитала строило планы установления полного экономического господства в Северной Азии, вытеснив из нее своих союзников, используя для этого свое монопольное положение на финансовом и товарных рынках мира. Секретарь английской делегации Г. Никольсон на Парижской мирной конференции 1919 г. был вынужден признать решающее влияние США на ход работы международного форума: «Президент располагал безграничной материальной силой, чтобы настаивать на своих взглядах. Мы все тогда зависели от Америки в отношении не только ресурсов войны, но и ресурсов мира. Наше продовольственное снабжение, наши финансы были целиком подчинены влияниям Вашингтона»²⁶.

Приоритеты внешней политики США в этот период были полностью подчинены проблеме разрешения «сибирского вопроса». Отмечая феномен американской внешней политики, историк П. Флеминг пишет: «К июню 1918 г. сибирский вопрос стал «основной проблемой американской внешней политики», а американская внешняя политика всегда была для Антанты основной проблемой сибирского вопроса»²⁷. Позиция США по «сибирскому вопросу» превратила ее союзников по антигерманскому блоку в непримиримых соперников в этой части мира. В первую очередь, это касалось Японии, с которой уже был конфликт интересов в Китае.

Острые противоречия между союзниками блока Антанта по вопросу о судьбе Сибири негативно отразились на судьбе русской восточной контрреволюции, так как ни Временное Сибирское правительство, ни Всероссийское правительство адмирала А. В. Колчака, ни какое-либо иное государственное образование в Сибири так и не получили официального признания как легитимной власти, без чего антисоветское движение обрекалось на поражение. Стремление держав Антанты разделить на сферы влияния бывшую Российскую империю оказалось важнее и выше

признания национальных интересов антисоветских сил России.

Необходимо отметить, что цель главного организатора интервенции в Сибирь – Великобритании – состояла в попытке разрешить по «русской» и «сибирской» проблемам триединую задачу, каждая из частей которой была обусловлена временными факторами. Во-первых, на первом этапе, т. е. весной 1918 г., косвенно или прямо поддержать те антисоветские силы, например, в Сибири, которые выступали за продолжение войны до победного конца, но без «аннексий и контрибуций», как это относилось к правым социалистам, что позволило бы захватить русскую сферу влияния в Персии и те области Турции, которые должны были отойти к России после победы в войне над Германией согласно тайным договорам стран Антанты 1915 и 1916 гг.²⁸

Позиция П. Н. Милюкова, по мнению английского историка Р. Уорта – «ядовитый туман шовинизма»²⁹, заявившего союзникам в ноте от 18 апреля 1917 г. о правах новой России на Черноморские проливы, вопреки известному мнению, не вызвала у союзников энтузиазма в отношении цензовой демократии, видя в ней преемника империалистической политики свергнутого царского режима³⁰. Поэтому уход с министерских постов лидеров кадетов и октябристов в мае 1917 г. не встретил в Англии и Франции возражений, хотя до Февральской революции они поддерживали либералов в их противостоянии с царским режимом, в этот период уже сделавших ставку на правых социалистов во главе с А. Ф. Керенским³¹, обещавшим «бескорыстно» воевать за интересы союзников, т. е. без аннексий и контрибуций, предоставив им после войны монопольное право территориального раздела мира³².

В начале 1918 г. правительство Великобритании, исходя из данной заманчивой перспективы, стремилось установить в Сибири региональный вариант режима «керенщины». Так, лорд У. Уайзмен 1 мая 1918 г. сообщил мнение английских правящих кругов правительству США: «Мы можем призвать Керенского и других деятелей первоначальной республиканской революции, побудить их образовать правительственный комитет в Маньчжурии»³³. Позже белый историк Н. Н. Головин отмечал проантантовские взгляды правых эсеров, которые позволяли надеяться на возобновление в России режима «керенщины»: «Представители союзников вели переговоры со всеми противобольшевистскими группировками русской интеллигенции. Они приложили все усилия, чтобы вступить в соглашение с партией социалистов-революционеров»³⁴.

Во-вторых, после преодоления военно-стратегического кризиса весны 1918 г., вызванного успешным наступлением германских войск во Фландрии, когда стало ясно, что Германия и ее союзники неминуемо в войне потерпят поражение, правительство Великобритании «вспомнило»

вновь о государственном долге России западным союзникам. Это было очень важно для правящих кругов этой страны в связи с тем, что размеры русского долга Англии были почти равны ее государственному долгу США, и который неуклонно увеличивался³⁵. Возврат всех «русских долгов» позволил бы правительству Англии, общие расходы которого за войну составили 9,7 млрд фунтов³⁶, расплатиться в полном объеме со своим заокеанским заемщиком. В таком случае Сибирь должна была стать надежной гарантией и залогом выплаты долгов России всем кредиторам.

В-третьих, правящими кругами Англии с аннексионными целями уже осенью 1918 г. проводилась политика лишения России статуса великой державы, что надежно бы исключило участие любого русского правительства в разрешении проблем Азии и Европы в послевоенный период и позволило бы установить над Сибирью британский протекторат с возможным отторжением. Исходя из такой постановки «сибирского вопроса», Англия, как и руководство США, не была заинтересована в тот период в признании ни де-юре, ни де-факто как советского, так и антантофильских антисоветских правительств³⁷, тем более что последние по своему статусу в юридическом плане были нелегитимными, в первую очередь, правительство адмирала А. В. Колчака.

Как заявил по этому поводу Р. Лансинг: «Россия как единая страна никогда не будет возглавлена Петроградскими большевиками. Более вероятно, что она распадется на отдельные части, претендующие на независимость. Для нас было бы удачей, если бы создалось несколько отдельных государств, осуществляющих самостоятельную политику»³⁸. Французский посол М. Палеолог, предвидя углубление революции, еще 30 марта 1917 г. отметил в своем дневнике, что в условиях политических катаклизмов, «Финляндия, Лифляндия, Эстляндия, Польша, Литва, Украина, Грузия, Сибирь требуют для себя независимости или, по крайней мере, полной автономии»³⁹. Эти тенденции державы Антанты использовали в русле общего понимания проблемы разрешения «русского вопроса». Правительство Великобритании в меморандуме союзникам от 21 декабря 1917 г. сообщило свое мнение: «Мы считаем необходимым поддерживать связи с Украиной, Финляндией, Сибирью, Кавказом»⁴⁰, что в перспективе должно было обеспечить расчленение России по территориальному или национально-территориальному признакам.

Для реализации этой задачи в отношении Сибири союзниками была использована оказавшаяся полезной в качестве повода к интервенции доктрина областников Сибири об «особом сибирском народе», а также идейные воззрения сибирских эсеров-автономистов, заявивших на съезде эсеров Енисейской губернии августа 1917 г. о «русском сибирском населении», стремившемся «к самостоятельному распоряжению своей жизнью в пределах населенной им территории»⁴¹. В

связи с этими обстоятельствами агенты Антанты вели зондаж политических настроений областников и эсеров-автономистов края на предмет интервенции.

По нашему мнению, все колебания правительств держав «Сердечного соглашения» в отношениях с Советским правительством в период зимы и весны 1918 г., невнятные приоритеты по «сибирскому вопросу» и «русской проблеме» в целом при организации интервенции, вызывавшие между союзниками по антигерманскому блоку противоречия и отразившиеся на развитии внутренних катаклизмов Сибирского региона, усугубившие его общий кризис, во многом обуславливались ключевым вопросом: какое правительство России – советское или не советское – будет выплачивать «русские военные долги» странам Антанты и каким образом? Империалистическая война была выгодным коммерческим предприятием, но связанным с рисками потери вложенного в этот «кровавый бизнес» капитала. В конечном итоге Антанта, в первую очередь правительство Великобритании, была готова признать тот режим власти в России, который в ходе политических катаклизмов, обусловленных Гражданской войной, покажет себя устойчивым, чтобы возобновить с ним экономический диалог и разрешить все проблемы, связанные с военными долгами предыдущих русских правительств.

Это важно было правительствам держав Антанты в связи с катастрофическими итогами Первой мировой войны для мировой экономики. Так, на III конгрессе Коминтерна Л. Д. Троцкий провел сравнительный анализ мирового богатства до мировой войны и всех потерь, связанных с этим военно-политическим конфликтом. Он сообщил, что совокупное довоенное национальное богатство стран, которые участвовали в войне, равнялось 2 400 млрд марок золотом. За время войны было уничтожено в общей сложности богатств на 1 200 млрд марок. Кроме того, упадок производительности труда в народном хозяйстве всех стран участников войны ежегодно равнялся еще 100 млрд марок⁴².

Важно, что на масштабную интервенцию державы Антанты ни при каких обстоятельствах идти не могли и не столько из-за протестов общественности своих стран или альтруизма, сколько из-за больших людских потерь. Выделить для экспедиции в Россию даже один батальон было сложной задачей, поскольку весной 1918 г. германская армия «перемалывала» одну дивизию союзников за другой, а также вследствие общего материального и финансового истощения. Это предприятие было бы не менее затратным, чем война с Германией, имея в виду просторы России, сложность переброски войск, их материальное снабжение и т. д.

Ставка была сделана на движение белых унитаристов Сибири. Тем более что торгово-промышленные и военные круги региона требовали установить военную диктатуру. Выбор диктатора

антисоветского движения на востоке России имел для всех правительств стран Антанты принципиальное значение, так как от этого выбора в известной мере зависело окончание войны в Европе. Правительство Великобритании заранее подготовило требуемую кандидатуру на роль военного диктатора в лице адмирала А. В. Колчака⁴³. Этот шаг выявил решение правящих кругов Англии поставить под свой политический контроль важный регион мира накануне окончания Первой мировой войны, отеснив своих союзников по совместной борьбе против Германии. Для них надежной гарантией от «казуса Гришина–Алмазова», когда часть сибирских военных кругов заявила устами военного министра Временного Сибирского правительства о независимости русских вооруженных сил в выборе союзника⁴⁴, могло быть вручение верховной власти в Сибири несамостоятельному в политике военному лицу и убежденному стороннику Антанты и англофилу.

Самым верным вариантом в этой ситуации, по мнению агентов Англии, было назначить на роль диктатора на востоке России офицера британских вооруженных сил адмирала А. В. Колчака при кураторстве генерала А. Нокса. 31 августа 1918 г. глава британской миссии в Сибири записал в дневнике: «Несомненно, он – наиболее подходящая фигура из русских из наших целей на Дальнем Востоке»⁴⁵. Позже У. Черчилль уточнил, опираясь на телеграмму в военное министерство генерала А. Нокса: «Колчак был наиболее подходящим из действовавших в то время в Сибири людей»⁴⁶. Параллельно союзники приняли решение отказаться от ориентации на бывшего главу Временного правительства А. Ф. Керенского, попытавшегося вернуться во власть, посетив для этого Англию и Францию в июле 1918 г.⁴⁷ Тем более что антисоветские силы не желали приезда в Сибирь политика, с именем которого они связывали приход к власти большевиков. Учитывая эти настроения, эмиссар США в Лондоне А. Булер, сообщил полковнику Э. М. Хаузу: «Носится слух, что Керенский тренируется для роли Венизелоса. Я надеюсь, что нет. Оппозиция против человека, который обманул великие надежды, несомненно, сильна. Слепой конь лучше дохлого»⁴⁸.

Подводя итоги, стоит признать, что общенациональный кризис России в 1917 г. обусловил активные притязания великих держав мира на ее территории вне зависимости от их участия в том или ином военно-политическом блоке в годы мировой войны. Наибольшую ценность представляла Сибирь, которую державы Антанты рассматривали как колониальное владение Российской империи, поэтому не считали ее коренной территорией страны. В организации интервенции наибольшую активность проявляло правительство Великобритании, которое за счет Сибири предполагало разрешить ряд своих важных геостратегических и экономических проблем, например, оплатить огромный кредитный долг

США и гарантировать поставки продовольствия и сырья на Британские острова. Возникшие империалистические противоречия по «сибирскому вопросу» обусловили колебания в правящих кругах Британской империи при выборе методов реализации этих планов. В конечном итоге, ставка была сделана на военную диктатуру движения белых унитаристов, которая должна была гарантировать все аннексионные планы Великобритании.

Примечания

- 1 История дипломатии : в 3 т. М. ; Л., 1945. Т. II. С. 367.
- 2 См.: *Зиновьев Г.* Армия и народ : Советская власть и офицерство. Пг., 1920. С. 15–18.
- 3 См.: *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Пг., 1924. С. 388–391.
- 4 См.: *Вацетис И. И., Какурин Н. Е.* Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002. 672 с.
- 5 См.: *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары : пер. с англ. : в 6 т. М., 1938. Т. VI. С. 87–88.
- 6 См.: *Троцкий Л. Д.* О Сибири // Северная Азия. 1927. № 3. С. 14–17.
- 7 См.: *Бухарин Н.* Долой международных разбойников. М., 1918. С. 3–4.
- 8 См.: *Левидов М.* К истории союзной интервенции в России : дипломатическая подготовка. Л., 1925. С. 20.
- 9 *Кизан Дж.* Первая мировая война : пер. с англ. М., 2004. С. 503.
- 10 *Черчилль У.* Мировой кризис : пер. с англ. М., 2003. С. 133.
- 11 *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1935. Т. III. С. 373.
- 12 *Виноградов В. Н.* Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 41.
- 13 *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. III. С. 373.
- 14 *Галин В.* Война и революция. М., 2004. С. 385.
- 15 См.: *Емец В. А., Лебедев В. В.* Проникновение американского капитала в горную промышленность России // Исторический архив. 1957. № 3. С. 154–159.
- 16 Архив полковника Хауза : в 4 т. : пер. с англ. М., 1939. Т. III. С. 273.
- 17 *Галин В.* Указ. соч. С. 84.
- 18 *Боярский В. А.* Вторжение империалистов США в Советскую Россию и ее провал. М., 1961. С. 10.
- 19 Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-1015. Оп. 3. Д. 1. Л. 1.
- 20 *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1935. Т. IV. С. 393.
- 21 См.: Вестник Временного правительства. 1917. 13 (26) сентября. № 152.
- 22 См.: *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1934. Т. I–II. С. 630–632.
- 23 См.: *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. III. С. 441.
- 24 См.: *Шигалин Г. И.* Военная экономика в Первую мировую войну. М., 1956. С. 264.
- 25 См.: *Миц И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. М. ; Л., 1931. С. 133–140.
- 26 *Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 году : пер. с англ. М., 1945. С. 51–52.
- 27 *Флеминг П.* Судьба адмирала Колчака. 1918–1920 : пер. с англ. М., 2006. С. 66.
- 28 См.: *Готлиб В. В.* Тайная дипломатия во время Первой мировой войны : пер. с англ. М., 1960. С. 89–92.
- 29 *Уорт Р.* Антанта и русская революция. 1917–1918 : пер. с англ. М., 2006. С. 58.
- 30 См.: *Ванаг Н.* Русская «парламентская» делегация за границей в 1916 г. // Красный архив. 1933. № 3. С. 3–5.
- 31 См.: *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата : пер. с англ. М., 1991. С. 250.
- 32 См.: *Палеолог М.* Дневник посла : пер. с фр. М., 2003. С. 773.
- 33 Архив полковника Хауза. С. 297.
- 34 *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. : в 2 т. М., 2011. Т. 2. С. 155.
- 35 См.: *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. III. С. 441.
- 36 См.: *Флеровский И.* Мировая война. М., 1924. С. 6.
- 37 См.: Архив полковника Хауза. С. 274.
- 38 *Гвишиани Л.* Советская Россия и США. М., 1970. С. 26.
- 39 *Палеолог М.* Указ. соч. С. 777.
- 40 *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1938. Т. V. С. 88.
- 41 См.: Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии. Март 1917 – ноябрь 1918 гг. Томск, 1991. С. 91.
- 42 *Варга Е.* Экономические причины и следствия мировой войны // Десятилетие мировой войны. М., 1925. С. 72.
- 43 См.: *Флеминг П.* Указ. соч. С. 119.
- 44 См.: *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М., 2008. С. 126–127.
- 45 *Флеминг П.* Указ. соч. С. 79.
- 46 *Черчилль У.* Указ. соч. С. 234.
- 47 См.: *Керенский А. Ф.* Россия в поворотный момент истории : пер. с англ. М., 2006. С. 482–483.
- 48 Архив полковника Хауза. С. 297.

Образец для цитирования:

Вторушин М. И. Британская империя и Сибирь в начале Гражданской войны в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 456–461. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-456-461.

Cite this article as:

Vtorushin M. I. The British Empire and Siberia at the Beginning of the Civil War in Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 456–461 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-456-461.